

К.В. Ворожихина

Философские искания В.Г. Малахиевой-Мирович

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Поэт, публицист, мыслитель и переводчик Варвара Малахиева-Мирович была близка к кругу литераторов и философов религиозно-философского ренессанса, она была знакома с Л. Толстым, П. Флоренским, Е. Герцык и др. В юности Мирович увлекалась теософией, философией Л. Шестова и Ф. Ницше. Вдохновленная Шестовым, она стала переводчиком книги американского прагматиста У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». В основе ее мировоззрения – манихейское противопоставление темного и светлого начал, отождествляемых с материей и духом. Смерть в контексте такого дуализма воспринимается как избавление, освобождение от материи и телесности, а жизнь как испытание и подготовка к посмертному существованию. Свое место в советской реальности Мирович так и не смогла найти, окружающая действительность казалась ей коррумпированной бытом, материальностью, житейской прозой. Это мироощущение нашло отражение в ее поэзии, по форме и художественным приемам близкой к лианозовской школе. Идеино, духовно и душевно Мирович продолжала существовать в дореволюционном прошлом среди тех, кто был ей близок, – мыслителей и литераторов Серебряного века. В статье рассматривается интеллектуальная биография Варвары Мирович, исследуются основные темы ее творчества: двойственность человеческой природы, совмещающей в себе низменное и возвышенное; жестокость естественных законов, обрекающих человека на душевные и телесные муки, старость и смерть; экзистенциальные переживания одиночества, покинутости и любви.

Ключевые слова: Лев Шестов, быт, поэзия, богоискательство, смерть, декадентство, теософия, Д.Л. Андреев

Философские искания В.Г. Малахиевой-Мирович

Жизнь Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович (1869–1954), мыслителя, публициста и поэта Серебряного века, как у большинства ее современников, оказалась разделена надвое: до событий 1917 г. и после них. Близкая к кругу философов и литераторов религиозно-философского ренессанса, Малахиева-Мирович восприняла, по-своему переосмыслив, многие их идеи, творческие и мировоззренческие установки. Новая, послереволюционная, действительность оказалась ей чужда: советское государство отняло у Варвары Григорьевны близких и дорогих людей, а советский человек виделся ей одномерным, лишенным поэтического и религиозного чувства, безнадежно погрязшим в быте и мелочных материальных интересах.

Литературный псевдоним В.Г. Малахиевой-Мирович является соединением вымышленной и настоящей фамилии. Фамилия Малахеев была взята ее отцом по имени прадеда – схимника Малахия, который, приняв монашество в 70 лет, стал почитаем-

мым в народе целителем. Вторая половина псевдонима – Мирович – появилась значительно позднее и, вероятно, связана с именем молодого писателя – протагониста ранних рассказов Льва Шестова¹. В 1947 г. она пишет в своем дневнике о том, что ее сознание всю жизнь раздваивалось между высшим «я», малафиевским, и его «ветхим двойником», которого она называет «Мировичем» [Нешумова, 2013а, с. 477]. Как правило, о себе она говорит в третьем лице, называя себя Мирович.

Семья Малахиевых была глубоко религиозной. Ее отец с юности готовил себя к монашеству, однако после трагического происшествия (убийства), случившегося в Выдубицком монастыре, где он жил более десяти лет, покинул обитель и по настоянию старца женился. Однако долгое проживание в семье тяготило Григория Исааковича Малахиева, большую часть времени он странствовал, навещая свою жену и детей время от времени, по несколько раз в год. В письме к своему брату Варвара Григорьевна писала: «Ты, как и я, и сестра Н<астя>, и отец наш, и братья его – “лунной природы”» [Там же, с. 436], которая «только через насилие над собой и искусственно привитые навыки» [Там же] может примириться с браком.

В юности Малахиева-Мирович, как и многие, пережила этап нигилизма, отхода от религиозности, была близка к народокольцам и вступила в их партию. Спустя годы она вновь обращается к христианству, интересуется ересями и сектантством, увлекается толстовством, армией спасения Бута и деятельностью Неплюева. В это же время она устраивается гувернанткой в богатый дом сахарозаводчика Даниила Балаховского, родственника Льва Шестова, где вскоре происходит ее знакомство с философом, а впоследствии и сближение «на почве общего богоискательства» [Там же, с. 442].

Тайна Льва Шестова

Биографы Шестова, как правило, отмечают, что в основе его беспочвенной адогматической философии лежит психологический и мировоззренческий кризис, пережитый им в 1895 г., который заставил мыслителя отказаться от идеалистической философии. В 1920 г. Шестов написал об этом переломе в своем «Дневнике мыслей»: «В этом году исполняется двадцатипятилетие, как “распалась связь времен”... Записываю, чтобы не забыть: самые крупные события жизни – о них же никто, кроме тебя, ничего не знает...» [Цит. по: Баранова-Шестова, 1983, с. 23].

Что было причиной нервного расстройства Шестова – неизвестно. Дочь мыслителя Н. Баранова-Шестова предполагает, что, возможно, занятие нелюбимым делом – работа на мануфактурных складах отца – могло спровоцировать подобные последствия. По другой версии, Шестов хотел жениться на православной девушке Анастасии Малахиевой, но отец Шестова не дал согласия.

Однако из писем Шестова и воспоминаний Варвары Малахиевой-Мирович складывается иная картина этих событий. В письме 1896 г. из Карлсбада Шестов пишет Варваре Мирович: «Бывают грустные настроения – но они относятся к тому проклятому случаю, который наделал столько дел в моей жизни. А помимо этого, убежден, что еще добьюсь своего, и выведу и вас, и Настю на путь» [Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), MS2111-1/Ff42]. В мемуарах Малахиевой-Мирович мы находим такое свидетельство: «Сестра (Анастасия) полюбила человека, который любил

¹ В возрасте 23–28 лет Шестов пробовал себя в прозе – писал рассказы, героями которых были идеалисты и революционеры, борцы против социальной несправедливости, готовые принести себя в жертву во имя высоких идей. Эти сочинения носили отчасти биографический характер (диссертация Шестова, посвященная рабочему законодательству, была запрещена, и ему пришлось покинуть Московский университет). Статьи и рассказы начинающего мыслителя имели политическое звучание. Они были направлены на пробуждение общественного сознания (призыв к «бодрствованию духа» оставался одним из главных мотивов в философии Шестова). Вслед за народниками Шестов заявляет о том, что моральная миссия интеллигенции – способствовать общественному прогрессу через культурное просвещение.

меня, был моим женихом. Брак наш по моде того времени и по не пробудившемуся у меня темпераментному влечению рисовался мне как непременно фиктивный. Но и у меня отношения к этому человеку были настолько глубоки и для всей внутренней жизни ни с чем несравнимо важны, что “отдать” его сестре без борьбы оказалось невозможным... Человек, из-за которого мы “боролись”, сам переживал в это время – отчасти на почве той нашей борьбы – огромный идейный кризис... С моей стороны уязвила и пугала этого человека неполнота моего ответа на полноту его чувства. И все это перенеслось для него в философское искание смысла жизни и в тяжелую нервную болезнь, которая привела его в одну из заграничных лечебниц и потом на целые годы за границу...» [Малахиева-Мирович, 2011, с. 131]. По ее мнению, если бы в молодости она «ответила Льву Шестову так, как ему казалось тогда единственно важным для его души, не было бы у него того великого опыта, который привел его к огромной работе духа над загадкой жизни и смерти» [Громова, 2013, с. 332].

Испытав влияние шестовской экзистенциальной мысли, Малахиева-Мирович все больше начинает отдаляться от православия. В зрелом возврате она пыталась, по ее выражению, «войти в церковь», но не могла принять «догматического христианства и церковных канонов» [Нешумова, 2013а, с. 458]. О своей вере в Бога она говорила: «Верую в Бога, в бессмертие души, в высший смысл жизни, обряды же для меня не имеют такого значения, как у православных» [цит. по: там же, с. 459].

В определенный период Варвара Григорьевна увлекается идеями Ницше², у нее возникает интерес к теософии и при этом – неприязнь к отдельным ее представителям: А. Безант, Е.П. Блаватской, Ч. Ледбитеру. В юности она дважды встречалась со знаменитой оккультисткой Анной Минцловой. Но в результате Мирович приходит к выводу, что «теософы – самоутешители – сказочники, равно далекие и от Теоса, и от Софии – Премудрости Божией» [цит. по: там же, с. 446].

«Русская мысль»

Первая публикация Варвары Малахиевой появляется в 1885 г. в газете «Киевлянин». Позднее (1897 г.) Варвара и Анастасия Малахиевы начинают сотрудничество с ежедневной газетой «Жизнь и искусство», также издававшейся в Киеве. С 1897 по 1899 гг. стихи, подписанные «В.М.» и «В.Г. Малафеева», выходят в ежемесячном журнале «Книжки недели», приложении к петербургской газете «Неделя».

В 1909 г. по рекомендации Шестова Малахиева-Мирович становится сотрудницей московского литературно-политического журнала «Русская мысль». Сотрудник этого журнала и друг Шестова С.В. Лурье заказывает Мирович перевод книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Эта работа была вдохновлена Шестовым – в 1905 г. в статье «Разрушающий и созидаящий миры» Шестов уделяет внимание идеям американского философа. Изначально сделать перевод было предложено Е.К. Герцук, но она, испугавшись объемности работы и необходимости срочного ее исполнения, отказалась³.

Как пишет Мирович, идеи Джеймса оказались ей крайне близки; философ, мыслитель, психолог с позиции разума рассуждает о незримом, ином мире, о вере и о том, что «всякий сколько-нибудь мистически одаренный человек ощущает, чувствует вне всякой аргументации» [Громова, 2013, с. 371–372], непосредственно. Перевод работы Джеймса, выполненный Мирович (совместно с М.В. Шиком), был опубликован в 1910 г.

² «Страшные в шуточности своей заповеди сложили мы с сестрой в ницшеанский период жизни: Падая, не разбивайся. Разбиваясь, склеивайся и делай вид, что ты никогда не разбивался. Полюби мармелад, чтобы было чем жить, когда заболешь проказой. Прыгай через чужие головы, если не хочешь, чтобы прыгали через твою, вышибли тебе глаз. Не ходи на Фавор – все равно не преобразишься...» [цит. по: Нешумова, 2013 а, с. 446].

³ Об этом она писала Вяч.И. Иванову 19 февраля 1909 г. [Жуковская, 2002, с. 573].

Как сотрудница журнала «Русская мысль» Мирович встречалась с Л. Толстым в Ясной Поляне и подарила ему свой перевод книги американского прагматиста. Толстой настаивал на том, что не стоит занимать свое время чтением подобных книг и вообще никаких – кроме Евангелия, индийских «Вед», Конфуция и Лао-цзы; чтение другой литературы, по мнению писателя, означает «на одном месте топтаться, или еще хуже, от своего пути в сторону на тысячу верст скакать» [Малахиева-Мирович, 1911, с. 160].

В журнале Мирович работает в отделе беллетристики, рецензирует новые издания. Книги, выбранные ею, затрагивают проблемы семьи, брака, роли женщины, быта, а также любви и смерти.

Семейная жизнь в них обречена «разбиться» о быт, о мелочные конфликты, о горечь непонимания. Институт брака, семьи, основанный на компромиссе и лицемерии, по мысли Мирович, не приносит счастья ни женщине, ни мужчине; их жизнь становится постоянной борьбой за свою «самоцельность и свободу» [Малахиева-Мирович, 1910b, с. 56].

Обыденная жизнь, пишет Мирович, – жестока, несправедлива, суетна и низка; она подчинена ходу вещей, не зависящих от человека. В противостоянии с ней растрачиваются силы и чувства, разрываются самые дорогие связи – связи дружбы и любви.

Любовь не может выжить в атмосфере повседневности, поскольку питается «огнем душевного творчества», и это единственная пища, «которая может сделать ее бессмертной» [Малахиева-Мирович, 1910a, с. 4]. Как правило, считает Мирович, любовь становится «одной из красок быта», «прислужницей законов размножения» или одной «из самых низменных радостей человечества» [Малахиева-Мирович, 1910c, с. 128].

«Монастырское»

Малахиева-Мирович является автором более чем четырех тысяч стихотворений. При жизни был напечатан лишь один сборник ее стихов – «Монастырское» (этот поэтический цикл был написан в 1915 г. и опубликован в 1923 г.); кроме того, она является автором трех рукописных книг: «Братец Иванушка», «Осеннее» и «Стихии Мира», – которые распространялись через Лавку Писателей и были ориентированы на читателей из круга близких знакомых. Темы, к которым обращается Мирович в своих мировоззренческих исканиях, – это «тайна совмещения божеского и звериного начала в человеке, теснота культурного уклада жизни, ужас и благо одиночества, таинственная жестокость законов, осуждающих человека на болезни, на безумие, на старость и на смерть» [Малахиева-Мирович, 1909b, с. 260].

Сборник «Монастырское», в котором соединены «элементы духовной и народной поэзии» [Поливанов, 1994, с. 491], был воспринят как отражение мира православной женщины [Гаспаров, 2000, с. 139] в ее простоте и неоднозначности. Книга представляет собой «ряд близких к сказовой форме монологов или рассказов-“примитивов”, записанных говорным стихом, форма которого как бы максимально далека от “поэтичности”» [Нешумова, 2013b, с. 484–485]. Переизданные стихи из «Монастырского» вызвали интерес Е. Евтушенко, о них он писал: «Не знаю, была ли поэтесса монашкой, смею только догадываться, вряд ли. Книга построена как фортепианная пьеса на одну тему, но в нескольких частях, где есть и грусть-тоска у монашек по вольной волошке, и вымечтанная в сырости келий сладость греха, и настуканная в стену холодными женскими коленками монастырская азбука одиночества. Если даже это мистификация, то очаровательная» [цит. по: там же, с. 484–483].

Известны немногие прижизненные отклики на «Монастырское». Его ценил поэт А.В. Звенигородский, почитаемый О. Мандельштамом. Другие отзывы были негативны. В своих воспоминаниях Е. Герцык называла публикации Мирович «пустячками», М.О. Гершензон в письме Шестову 1923 г. называет ее стихи «слабыми». Но, по всей видимости, эти оценки имели внелитературное основание.

Язык «Монастырского» чужд декадентской эмоциональной надломленности и болезненности. Испытав безусловное влияние литературы декаданса, Мирович весьма критически отзываясь о нем как о культурном явлении, в основе которого лежит «злокачественная идея» о том, что «все дозволено»: «Декадентство, – пишет она в своем дневнике, – есть прежде всего своеволие, отъединение, самоутверждение, беззаконие» [Громова, 2013, с. 373].

«Кружок радости»

Помимо публицистических, литературно-критических статей и поэтических работ, Мирович принадлежит около десятка детских книжек⁴. Ею написаны две статьи о воспитательной роли игрушки⁵, в которых раскрываются ее педагогические идеи.

Человек, считает Мирович, от рождения творец, и первое его творение – это созидание своего собственного мира. Задача воспитания – способствовать пробуждению и развитию творческого начала в ребенке, поскольку именно творчество является способом уподобления человека Богу. Необходимыми условиями воспитания, по мнению Мирович, являются свобода и самостоятельность: «Без них она (душа. – К.В.) гложет, мертвеет и живет призрачной жизнью (иногда целые годы и десятилетия), ничего не определяя в человеческом “я”, которое сводится к бледному воспоминанию ничем не связанных моментов ощущений, страстей, мыслей и чувств...» [Малахиева-Мирович, 1912b, с. 144]. Согласно взглядам Мирович, лучшим учителем для ребенка является народная культура, поскольку существует нечто родственное между народной и детской душой, и прежде всего эмоциональное, вовлеченное отношение к реальности.

Мирович была «своеобразным педагогом, “пробудителем” душ» [Бирукова] для детей своих друзей. В 1914 г. вокруг Малахиевой-Мирович возникает «Кружок Радости», состоящий из девушек в возрасте от 16 до 20 лет, в который входили: Нина Бальмонт (дочь К.Д. Бальмонта и Е.А. Андреевой-Бальмонт, в будущем литератор), Алла Тарасова (впоследствии известная советская актриса), Ольга Ильинская (сестра актера и режиссера Игоря Ильинского), Таня Березовская (старшая дочь Льва Шестова), Евгения Бирукова (в будущем поэт и переводчик), Лида Случевская (литературовед), Стана Бартрам (дочь художника, искусствоведа, коллекционера и организатора Музея Игрушки Николая Дмитриевича Бартрама), Софья Фрумкина и Ольга Бессарабова. Участницы кружка писали рефераты на свободно выбранные темы, а затем читали и обсуждали их; например, Татьяна Березовская-Шестова выбрала тему «О злой радости», Ольга Бессарабова – «О молчании», Варвара Малахиева-Мирович – «Пути женской души»⁶.

⁴ День в деревне. М., 1926; Лето (стихи для детей). Л., 1926; Листопад. М., 1926; Мячик-прыгунишка. М., Л., 1926; Наш завтрак. М., 1926; Наша улица. М.; Л., 1926; Наши друзья. М.; Л., 1926; Пойдем играть! М.; Л., 1926; Шутки-прибаутки. Л., 1926; Зима. М., 1927; Мои песенки. М., 1927; На зеленой травке. М., 1927; На работу. М., 1927; Наш сад. М., 1927; Про кукол. М., 1927; Бабушкин пирожок. М., 1928; Весна-красна. М., 1928; Живой уголок (Рассказы для детей). М., 1928; Что я вижу из окна. М., 1928; Небылицы в лицах. Киев, 1930; Про лентяя-растеряя. Киев, 1930.

⁵ Малахиева-Мирович В.Г. Мир игрушки (по поводу московской выставки игрушек художника Бартрама) // Русская мысль. 1909. № 12. С. 111–116; Она же. Воспитательное значение игрушки // Игрушка: ее история и значение. М., 1912. С. 140–197.

⁶ В своих дневниках Ольга Бессарабова приводит план доклада Мирович:

1. Храм Астарты (жрицы Астарты, Суламифь, Кармон)
2. Шатер Рахили (материнство, Наташа Ростова, княжна Мария Болконская)
3. Храм Весты (весталки, Жанна Д'Арк, Святая Тереза, Святая Екатерина, суффражизм)
4. Храм Люцифера (Куинджи из Персифаля, женщины Достоевского, Геда Габлер)
5. Храм Небесного бога (женщины Гамсуна, Ибсена)
6. Храм Афродиты Простонародной (флирт, Крейцерова Соната)
7. Храм Единого Избранника (Офелия, Дездемона, Гретхен)
8. Храм Афродиты Урании небесной (Беатриче, Лаура, Виттория Колонна)
9. Путь одиночества, страдания, боли» [Громова, 2010, с. 148–149].

В 1918 г. в Киеве образовался новый кружок, посвященный изучению творчества Ибсена, Метерлинка, Шекспира, в который входили Алла и Елена Тарасовы, сестры Березовские (Шестовы), а также Ариадна Скрябина. В это время у Мирович завязываются теплые дружеские отношения с Татьяной Федоровной Шлёцер (Скрябиной). Скрябины, Шестовы и Варвара Малахиева-Мирович живут все вместе в квартире Балаховских. К лету кружок распался, ученицы с родителями покинули беспокойный Киев. В целом, признавая за собой определенный педагогический дар, Малахиева-Мирович оценивает свою работу с детьми как «своеволие, ересь, дилетантство» [цит. по: Нешумова, 2013а, с. 460].

Даниил Андреев и «странники ночи»

Варвара Малахиева-Мирович, как и ее ученица Ольга Бессарабова, была близка к семье доктора Доброва, в которой воспитывался Даниил Андреев. Даниил, которого Мирович называла «зам. сына», рос и формировался, в том числе, и под ее влиянием. Вероятно, увлечение индийской философией, серьезное отношение к мистическим переживаниям, «невозможность стройной религиозности» [Нешумова, 2013б, с. 496] – то общее, что можно выделить в мировоззрении Мирович и творчестве Андреева. В романе «Странники ночи», впоследствии затерявшемся в недрах Лубянки, описаны аресты и гибель в 1937 г. людей, близких к дому Добровых; в главе «Мартиролог» перечисляются имена действительных друзей Добровых, ставших жертвами «политических процессов». Произведение Андреева носило ярко выраженный антисоветский, антикоммунистический, антиатеистический характер, Сталин изображался в нем земным воплощением сил зла. В 1947 г. рукопись романа прочитало четырнадцать человек. Все, кроме донесшего на Андреева поэта Николая Стефановича и 79-летней Мирович, были арестованы. Андреев был осужден на 25 лет, наказание он отбывал во Владимирской тюрьме; другие получили от 10 до 25 лет мордовских лагерей.

Быт

С начала 1930-х гг. и до самой смерти в 1954 г. Варвара Малахиева-Мирович вела дневник со стихами, воспоминаниями, наблюдениями-размышлениями о сиюминутном и сиюминутном, разговорами с давно ушедшими людьми. Она записывала свои воображаемые беседы с Чеховым, Толстым, Чаадаевым, Лермонтовым, Пушкиным, Лесковым, Гиппиус и др. У нее было мистическое «ощущение всех умерших живыми» [цит. по: Нешумова, 2013а, с. 446].

Реальная советская жизнь казалась ей всецело поглощенной безотрадным бытом. Существование советского человека, считала Мирович, растворено в обыденности и телесности: «...почему именно сейчас человек стал так телесен?» [Громова, 2013, с. 323] – восклицает она. Все, что волнует советского человека, по ее мнению, – это еда, питье, метры жилплощади и одежда. Для Мирович, как и для Д. Андреева, советская Россия («красный» период истории России, пришедший на смену «синей» эпохе Света, как говорил Андреев) является временем преобладания материального начала над духовным. Мирович пишет об этом: «У газовой плиты – встреча локтей, горячих лучинок (из экономии вместо спичек – пользование огнем соседа), наступание на ноги друг друга, кипячение, подогревание, разогревание. Если бы десятую часть этой энергии человек тратил на работу духа и на то, что составляет жизнь его души, как видоизменилось бы лицо его жизни (кипячение пусть бы осталось, но без перевеса в свою сторону)» [Громова, 2013, с. 324].

Теме быта посвящен сборник стихов, язык которых прост, лишен пафоса, объекты его непоэтичны, это своеобразная «фотохроника». По мнению исследователей-филологов, поэтика Мирович близка к лианозовской школе, которая нивелирует лирическое «я», делая акцент только на беспристрастном отображении окружающей действительности⁷.

Смерть

Одной из центральных тем на протяжении всего творчества Мирович, как в поэзии, так и в публицистических и критических статьях, была тема смерти. Отношение к смерти является «мерой сердца» человека, глубины его души. По мнению Мирович, размышлять о смерти, думать или мечтать о ней бессмысленно, «надо жить с нею, жить ею или умирать от нее, или одолеть ее» [Малахиева-Мирович, 1912а, с. 98]. Ценность творчества заключается в отражении опыта стояния на краю смерти, передаче переживания от взглядывания в тайны «последней черты» [Там же, с. 101].

Жизнь Мирович рассматривала как умирание, как приготовление к смерти. Существование для нее – это, прежде всего, боль, увядание, страдание и сон, пробуждение от которого она называет смертью. В материальном мире Мирович с очевидностью ощущала присутствие темного начала, где пагубные силы беспрестанно одерживают победу. Свету лишь иногда удается проникнуть, проблеснуть через плотность материи. В дневнике Мирович есть свидетельства мистических переживаний, во время которых предметы и люди казались ей самосветящимися, излучающими свет (эти видения – так называемые «фотизмы»); один из таких случаев произошел с ней в Оптиной пустыни. Любопытно, что о П. Флоренский, лично знакомый с Мирович, называл ее «окультной топью» [Громова, 2010, с. 446].

Смерть воспринимается ею как спасение из плена гибельного и тленного телесного мира; она оказывается для Мирович не «ужасом умирания» и не «мерзостью тления», но – очищающим и освобождающим вихрем, «милосердной» «Божьей работницей». «Мера смерти – воскресенье» [Малахиева-Мирович, 2013, с. 49], – пишет Малахиева-Мирович. Атмосфера ее поэтического мира и философских поисков передана в строках: «Слезы доплаканы до конца, предрассветный воздух светел, и реет в нем предчувствие близкой вести о воскресении». Ее сочинения «полны... веры в конец земной печали, в начало новой жизни», в них слышится «тайная весть о возможной, о близкой, о неизбежной победе света» [Малахиева-Мирович, 1909с, с. 259].

Список литературы

- Андреева, 1996 – Андреева А.А. Роман «Странники ночи» // Андреев Д. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. Кн. 2. М.: Урания, 1996. С. 609–625.
- Баранова-Шестова, 1983 – Баранова-Шестова Н.Л. Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Т. 1. Париж: Presse Libre, 1983. 359 с.
- Бирукова – Бирукова Е.Н. Душа комнаты. URL: <http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskay-miryne/255-dusha-komnaty> (дата обращения – 21.02.2016)
- Громова, 2013 – Громова Н.А. Ключ. Последняя Москва. М.: АСТ, 2013. 416 с.
- Малахиева-Мирович, 1909а – Малахиева-Мирович В.Г. Рец. на кн.: И. Ли. Брак. М., 1909; К. Тетмайер. Гибель. М., 1909 // Русская мысль. 1909. № 5. С. 114–115.
- Малахиева-Мирович, 1909б – Малахиева-Мирович В.Г. Рец. на кн.: Е. Лундберг. Рассказы. Киев, 1909 г.; Е. Лундберг. Мои скитания. Киев, 1909 // Русская мысль. 1909. № 11. С. 260–262.

⁷ Солят, квасят, маринуют,
Точно их конец минует,
И от смерти сохранит,
Души их проквасив, быт [Малахиева-Мирович, 2013, с. 372].

- Малахиева-Мирович, 1909с – *Малахиева-Мирович В.Г.* Рец. на кн.: П. Соловьева (Allegro). Плакун-трава. Стихи. СПб., 1909 // *Русская мысль*. 1909. № 11. С. 259–260.
- Малахиева-Мирович, 1909d – *Малахиева-Мирович В.Г.* Мир игрушки (по поводу московской выставки игрушек художника Бартрама) // *Русская мысль*. 1909. № 12. С. 111–116.
- Малахиева-Мирович, 1910а – *Малахиева-Мирович В.Г.* Рец. на лит.-худож. альманах изд-ва «Шиповник». Кн. XI. СПб., 1909 // *Русская мысль*. 1910. № 1. С. 3–6.
- Малахиева-Мирович, 1910б – *Малахиева-Мирович В.Г.* Рец. на сб. товарищества «Знание» за 1909 г. Кн. XXVIII. СПб., 1909 // *Русская мысль*. 1910. № 3. С. 55–57.
- Малахиева-Мирович, 1910с – *Малахиева-Мирович В.Г.* Рец. на кн.: Т. Щепкина-Куперник. Сказания о любви. М., 1910 // *Русская мысль*. 1910. № 5. С. 128–129.
- Малахиева-Мирович, 1910d – *Малахиева-Мирович В.Г.* Рец. на альманах «Смерть». СПб., 1910 // *Русская мысль*. 1910. № 12. С. 285–286.
- Малахиева-Мирович, 1911 – *Малахиева-Мирович В.Г.* В Ясной Поляне // *Русская мысль*. 1911. № 1. С. 154–167.
- Малахиева-Мирович, 1912а – *Малахиева-Мирович В.Г.* О смерти в современной поэзии // *Заветы*. 1912. № 7. С. 98–108.
- Малахиева-Мирович, 1912b – *Малахиева-Мирович В.Г.* Воспитательное значение игрушки // *Игрушка: ее история и значение*. М., 1912. С. 140–197.
- Малахиева-Мирович, 1915 – *Малахиева-Мирович В.Г.* Славянофилы и их учение. М.: К.Ф. Некрасов, 1915. 31 с.
- Малахиева-Мирович, 2011 – *Малахиева-Мирович В.Г.* О преходящем и вечном. Дневниковые записи (1930–1934) // *Новый мир*. 2011. № 6. С. 130–149.
- Малахиева-Мирович, 2013 – *Малахиева-Мирович В.Г.* Хризалида. Стихотворения. М.: Водолей, 2013. 608 с.
- Громова, 2010 – Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники (1915–1925) Ольги Бессарабовой / Сост. Н.А. Громова. М.: Эллис Лак, 2010. 800 с.
- Нешумова, 2013а – *Нешумова Т.Ф.* Жизнь Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович // *Малахиева-Мирович В.Г.* Хризалида. Стихотворения. М.: Водолей, 2013. С. 434–481.
- Нешумова, 2013б – *Нешумова Т.Ф.* Поэтический мир В.Г. Малахиевой-Мирович // *Малахиева-Мирович В.Г.* Хризалида. Стихотворения. М.: Водолей, 2013. С. 482–506.
- Поливанов, Васильев, 1994 – *Поливанов К.М., Васильев А.В.* Малахиева-Мирович // *Русские писатели. 1800–1917*. Т. 3. М.: Бол. Рос. Энцикл., 1994. 592 с.
- Жуковская, 2002 – *Сестры Герцык. Письма* / Сост. Т.Н. Жуковская. СПб.: Инапресс, 2002. 760 с.
- Гаспаров, 2000 – Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология / Сост. М.Л. Гаспаров и др. СПб.: ДЕАН, 2000. 238 с.

Varvara Malakhieva-Mirovich's Philosophical Quest

Ksenia Vorozhikhina

PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Poet, essayist, philosopher and translator Varvara Malakhieva-Mirovich was close to the circle of writers and philosophers of Russian religious and philosophical Renaissance, she knew L. Tolstoy, P. Florensky, E. Gertsyk and others. In her youth Mirovich was fascinated by theosophy, L. Shestov and F. Nietzsche's philosophy. Inspired by Shestov she became the translator of William James's "The Varieties of Religious Experience". At the core of Mirovich's worldview lies Manichean opposition between light and dark forces, which she identifies with spirit and matter. Death in the context of such dualism is regarded as redemption and liberation from matter and embodiment, and life – as preparation for the afterlife. Mirovich could not find her place in the Soviet surroundings, reality seemed to her corrupted with coarseness, materialism, and prose of everyday life. This world outlook got manifestation in Mirovich's poetry, which in its literary form and techniques was close to the Lianozovo artistic group. Ideologically, spiritually and emotionally she lived in a pre-revolutionary past among those who were close to her, i.e. thinkers and writers of the Silver

Age. The article deals with intellectual biography of Varvara Mirovich and covers main themes of her work: the duality of human nature, which combines low and sublime; the cruelty of natural laws that condemn people to mental and physical torments, aging and death; existential experiences of loneliness, desolation and love.

Keywords: Lev Shestov, everyday life, poetry, God-seeking, death, decadence, theosophy, Daniil Andreev

References

- Andreeva, A.A. Roman “Stranniki nochi” [Novel “Night wanderers”]. In: Andreev D. *Sobranie sochinenii*, vol. 3, book 2. Moscow: Uraniya Publ., 1996, pp. 609–625. (In Russian)
- Baranova-Shestova, N.L. [Life of Lev Shestov]. In 2 vols, vol. 1. Paris: Presse Libre, 1983. 359 p.
- Birukova, E.N. *Dusha komnaty* [Soul of the Room]. [<http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskay-mirnye/255-dusha-komnaty>, accessed on 21.02.2016] (In Russian)
- Gasparov, M.L. etc., ed. *Sto odna poetessa Serebryanogo veka. Antologiya* [One hundred and one poetess of the Silver Age. Anthology]. St.Petersburg: DEAN Publ., 2000. 238 p. (In Russian)
- Gromova, N.A. *Klyuch. Poslednyaya Moskva* [The Key. Last Moscow]. Moscow: AST Publ., 2013. 416 p. (In Russian)
- Gromova, N.A., ed. *Marina Tsvetaeva – Boris Bessarabov. Khronika 1921 goda v dokumentakh. Dnevnik (1915–1925) Ol’gi Bessarabovoi* [Marina Tsvetaeva – Boris Bessarabov. Chronicle of 1921 in Documents. Olga Bessarabova’s Diaries (1915–1925)]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2010. 800 p. (In Russian)
- Malahieva-Mirovich, V.G. Review of: Literaturno-hudozhestvennyj al’manah izdatel’stva “Shipovnik”. Kn. XI. SPb., 1909 [Literary and Art Almanac of the Publishers “Briar”. Book XI. SPb., 1909], *Russkaja mysl’*, 1910, no. 1, pp. 3–6. (In Russian)
- Malahieva-Mirovich, V.G. Review of: P. Solov’eva (Allegro). Plakun-trava. Stihi. SPb., 1909 [P. Solov’eva (Allegro). Rainbowweed. Poems. SPb., 1909], *Russkaja mysl’*, 1909, no. 11, pp. 259–260. (In Russian)
- Malahieva-Mirovich, V.G. Review of: Sbornik tovarishhestva “Znanie” za 1909 g. Kn. XXVIII. SPb., 1909 [Digest of Partnership “Knowledge” for 1900. Book XXVIII. SPb., 1909], *Russkaja mysl’*, 1910, no. 3, pp. 55–57. (In Russian)
- Malahieva-Mirovich V.G. V Jasnoj Poljane [In Yasnaya Polyana], *Russkaja mysl’*, 1911, no. 1, pp. 154–167. (In Russian)
- Malahieva-Mirovich, V.G. Vospitatel’noe znachenie igrushki [The Educational Value of Toys], *Igrushka: ee istorija i znachenie*. Moscow, 1912, pp. 140–197. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. *Khrizalida. Stikhotvoreniya* [Chrysalis. Poems]. Moscow: Vodolei Publ., 2013. 608 p. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. Mir igrushki (po povodu moskovskoi vystavki igrushek khudozhnika Bartrama) [World of Toys (on the Bartram’s Moscow Exhibition of Toys)], *Russkaya mysl’*, 1909, no. 12, pp. 111–116. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. O prekhodyashchem i vechnom. Dnevnikovye zapisi (1930–1934) [On the Beautiful and Eternal. Diaries (1930–1934)], *Novyi mir*, 2011, no. 6, pp. 130–149. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. O smerti v sovremennoi poezii [On death in Modern Poetry], *Zavety*, 1912, no. 7, pp. 98–108. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. Review of: Al’manakh “Smert’”. SPb., 1910 [Almanac “Death”. SPb., 1910], *Russkaya mysl’*, 1909, no. 12, pp. 285–286. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. Review of: E. Lundberg. Rasskazy. Kiev, 1909; E. Lundberg. Moi skitaniya. Kiev, 1909 [E. Lundberg. Stories. Kiev, 1909; E. Lundberg. My wandering. Kiev, 1909], *Russkaya mysl’*, 1909, no. 11, pp. 260–262. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. Review of: I. Li. Brak. M., 1909; K. Tetmajer. Gibel’. M., 1909 [I. Li. Marriage. M., 1909; K. Tetmajer. Crush. M., 1909], *Russkaya mysl’*, 1909, no. 5, pp. 114–115. (In Russian)
- Malakhieva-Mirovich, V.G. *Slavyanofily i ikh uchenie* [Slavophiles and their School of Thought]. Moscow: K.F. Nekrasov Publ., 1915. 31 p. (In Russian)

Malakhieva-Mirovich, V.G. Review of: T. Shchepkina-Kupernik. *Skazaniya o lyubvi*. M., 1910 [T. Shchepkina-Kupernik. *Stories of Love*. Moscow, 1910], *Russkaya mysl'*, 1910, no. 5, pp. 128–129. (In Russian)

Neshumova, T.F. *Poeticheskii mir V.G. Malakhievoy-Mirovich* [Varvara Grigor'evna Malakhieva-Mirovich's Poetic World]. In: Malakhieva-Mirovich, V.G. *Khrizalida. Stikhotvoreniya* [Chrysalis. Poems]. Moscow: Vodolei Publ., 2013, pp. 482–506. (In Russian)

Neshumova, T.F. *Zhizn' Varvary Grigor'evny Malakhievoy-Mirovich* [Varvara Grigor'evna Malakhieva-Mirovich's Life]. In: Malakhieva-Mirovich V.G. *Khrizalida. Stikhotvoreniya* [Chrysalis. Poems]. Moscow: Vodolei Publ., 2013, pp. 434–481. (In Russian)

Polivanov, K.M., Vasil'ev, A.V. Malakhieva-Mirovich, *Russkie pisateli. 1800–1917* [Russian Writers. 1800–1917], vol. 3. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1994. 592 p. (In Russian)

Zhukovskaya, T.N., ed. *Sestry Gertsyk. Pis'ma* [Sisters Gertsyk. Letters], St.Petersburg: Inapress Publ., 2002. 760 p. (In Russian)